

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474

Научная статья / Research article

Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии)

М.И. Сигачев, Э.С. Слепцов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Э.В. Фадеев

Независимый эксперт
maxsig@mail.ru; ernest89@mail.ru; fadeeveduard@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь между политическими кризисами, затронувшими Европейский Союз в период с 2015 по 2020 г., и ростом симпатий избирателей к популистско-евроскептическим партиям. Особое внимание уделяется политической ситуации в Австрии, где в 2017–2019 гг. в правительство входили правые популисты, а также итогам выборов в Европарламент в мае 2019 г., свидетельствующим об укреплении позиций нового популизма, прежде всего правого, представленного группой евроскептиков «Идентичность и демократия». Цель статьи – анализ текущего состояния правопопулистских партий и описание актуальных закономерностей их развития с точки зрения политических перспектив и влияния на внутреннюю политику стран – членов ЕС. Сформулированы следующие исследовательские вопросы: 1. Усилилось или ослабло влияние правопопулистских партий в период миграционного кризиса? 2. Представляют ли собой правые популисты некую целостную общеевропейскую политическую силу? 3. Какова специфика итальянских, австрийских и немецких правых популистов? Для ответа на эти вопросы проведен качественный (прежде всего тематической литературы и публикаций в СМИ) и количественный анализ (оценена динамика релевантной статистической информации). В результате исследования авторы приходят к следующим выводам: 1. Вступление австрийских правых популистов (АПС) в коалицию с С. Курцом в 2017–2019 гг. – это часть регулярных колебаний баланса сил между тремя политическими «лагерями» внутри Австрии, а не резкий перелом устоявшихся политических моделей (правый поворот). 2. Немецкие правые популисты, напротив, несмотря на локальные и действительно внезапные успехи (АдГ), находятся в системной изоляции. 3. В Италии правые популисты достигли существенных успехов, но перспективы их единства с другими европейскими новыми правыми остаются спорными. 4. С долей осторожности можно заявить о том, что период 2017–2019 гг. был для правых популистов успешным. Узнаваемость правопопулистских партий, их медийный охват и присутствие в органах власти заметно повысились. Увеличилось и восприятие важности тем миграции и культурной идентичности в сравнении с первой половиной 2010-х годов. При этом в 2020 г. этот тренд начинает спадать, темы культуры и миграции плавно уступают место темам безопасности, здравоохранения и экологии.

© Сигачев М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: популизм, новый популизм, правый популизм, евроскептицизм, национализм, «Идентичность и демократия», миграционный кризис, Европарламент, Европейский Союз

История статьи: Поступила в редакцию 15.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: *Сигачев М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В.* Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474

New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria)

Maxim I. Sigachev, Ernest S. Sleptsov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences
23 Profsoyusnaya St, Moscow, 117997, Russian Federation

Eduard V. Fadeev

Independent Expert in Political Studies
maxsig@mail.ru; ernest89@mail.ru; fadeveduard@gmail.com

Abstract. The article reveals the relationship between the political crises that affected the European Union from 2015 to 2020, and the growing sympathy of voters for populist-Eurosceptic parties. Particular attention is paid to the political situation in Austria, where in 2017–2019. The government included right-wing populists, as well as the results of the European Parliament elections in May 2019, which testify to the strengthening of the position of a new populism, especially the right-wing one, represented by the Eurosceptics group “Identity and Democracy”. The purpose of the article is to analyze the current state of the right-wing populist parties and to describe the current patterns of their development in terms of political prospects and the impact on the internal politics of the EU member states. The following research questions are formulated: 1. “Has the influence of right-wing populist parties intensified or waned during the migration crisis?” 2. “Do right-wing populists constitute a coherent pan-European political force?” 3. “What is the specificity of Italian, Austrian and German right-wing populists?”. To answer these questions, a quantitative (first of all, thematic literature and publications in the media) and quantitative analysis (dynamics of relevant statistical information was evaluated). As a result of the study, the authors come to the following conclusions: 1. The entry of the Austrian right-wing populists (APS) into a coalition with S. Kurtz in 2017–2019. – This is part of the regular fluctuations in the balance of power between the three political “camps” inside Austria, and not a sharp turnaround in established political models (right turn). 2. The German right-wing populists, on the contrary, despite local and really sudden successes (AdG), are in systemic isolation. 3. In Italy, right-wing populists have made significant progress, but the prospects for their unity with other European new right-wingers remain controversial. 4. With some caution, it can be stated that the period 2017–2019, was successful for right-wing populists. The recognition of the right-wing populist parties, their media coverage and presence in government has increased markedly. The perception of the importance of migration themes and cultural identity has increased in comparison with the first half of the 2010s. Moreover,

in 2020. this trend is beginning to decline, the themes of culture and migration are gradually giving way to topics of safety, health and the environment.

Keywords: populism, new populism, right-wing populism, Euroscepticism, nationalism, “Identity and democracy”, refugee crisis, European Parliament, European Union

Article history: Submitted on 15.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Maxim I. Sigachev, Ernest S. Sleptsov, Eduard V. Fadeev. New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria). *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474

Характеризуя ситуацию в современном мире в целом и в Европе особенно, следует отметить, что глобальный миропорядок вошел в стадию очередного переустройства, проявляющегося в усилившейся «стратегической нестабильности» (термин философа А.С. Панарина). Последним по времени свидетельством указанной «глобальной перестройки» (термин президента ИМЭМО акад. А.А. Дынкина) стал глобальный экономический кризис 2020 г., вызванный наложением друг на друга весной 2020 г. факторов падения цен на нефть в результате срыва формата ОПЕК+ и эпидемии коронавируса.

Международно-политический срез тех кризисных процессов, которые дают о себе знать в рамках становящегося все более неустойчивым современного мироустройства, заключается в трансформации типов национального государства и накоплении дисфункций в наднациональных институтах, таких как Европейский Союз. Начиная с 2008–2009 гг. Евросоюзу приходилось сталкиваться с целой чередой вызовов. Среди них, к примеру, долговой кризис внутри еврозоны, сильно ударивший по таким странам южной средиземноморской периферии ЕС, как Греция, Испания и Италия.

Социально-политические проявления этого кризиса в Европейском Союзе ознаменовались проходившим в 2015–2018 гг. миграционным кризисом. Возрастающему напряжению подвергаются политические границы государств, что приводит к изменению содержательного наполнения концепта национальной государственности [1, с. 90]. Несмотря на то что основным субъектом международных отношений, занимающимся регулированием потоков мигрантов и беженцев, продолжают оставаться национальные государства, в сфере миграционной политики вследствие кризиса возросла роль таких негосударственных акторов, как неправительственные организации: «В настоящее время в мире действуют тысячи НПО, прямо или косвенно занятые решением миграционных вопросов НПО могут финансироваться как из спонсорских средств, так и из средств ООН и Евросоюза. Так, Европейская комиссия создала в 2014 г. Фонд по вопросам убежища, миграции и интеграции (Asylum, Migration and Integration Fund)...» [2, с. 92]. Более того, все большую роль играет агентство FRONTEX. Вместе с тем, «поскольку основными акторами мировой политики остаются национальные государства, разговоры о наднациональном управлении миграцией будут оставаться просто риторикой.

Противоречия между государствами слишком велики, чтобы они пошли на передачу компетенций в управлении сферой миграции на наднациональный уровень» [2, с. 89]. Поэтому в определенной мере миграционный кризис не столько создал новые социальные противоречия в странах Европы, сколько стимулировал радикализацию уже имевшихся размежеваний.

Вопросы массовой миграции (в дополнение к уже имевшимся экономическим) привели к обострению в Европейском Союзе противоречия между европейским Севером и Югом – с одной стороны, северогерманским ядром ЕС и, с другой стороны, странами средиземноморской Южной Европы, такими как Италия, Испания и Греция.

Можно предположить, что волна популизма, захлестнувшая Европу в последнее пятилетие, имела различные проявления в странах транзитной миграции и странах целевой миграции. В статье рассматриваются такие страны, как Германия, Австрия и Франция – как примеры целевых стран, Италия – как пример страны транзитной миграции, а также процессы формирования дискурсов популизма. Таким образом, исследовательская задача, решаемая настоящей статьей, заключается как в выявлении отличительных черт нового популизма по сравнению с популизмом старым, так и в поиске ответа на вопрос о перспективах нового популизма в странах ЕС.

Целью данной статьи являются объективная оценка текущего состояния правопопулистских партий, описание ключевых закономерностей их развития. Это позволит понять, имеют ли они политические перспективы и чем обусловлено их влияние (или отсутствие такового) на внутреннюю политику стран – членов ЕС. Исследовательские вопросы можно сформулировать следующим образом: 1. «Усилилось или ослабло влияние правопопулистских партий в период миграционного кризиса?» 2. «Представляют ли собой правые популисты некую целостную общеевропейскую политическую силу?» 3. «Какова специфика итальянских, австрийских и немецких правых популистов?».

Уникальность исследования заключается в обосновании следующих утверждений:

Вступление австрийских правых популистов (АПС) в коалицию с С. Курцом в 2017–2019 гг. – это часть регулярных колебаний баланса сил между тремя политическими «лагерями» внутри Австрии, а не резкий перелом устоявшихся политических моделей (правый поворот).

Немецкие правые популисты, напротив, несмотря на локальные и действительно внезапные успехи (АдГ), находятся в системной изоляции.

В Италии правыми популистами были достигнуты существенные успехи, но перспективы их единства с другими европейскими новыми правыми (на примере фракции европарламента «Европа за свободу и прямую демократию») остаются спорными.

С некоторой долей осторожности можно заявить о том, что период 2017–2019 гг. был для правых популистов успешным. Узнаваемость таких партий, как АдГ, Лига Севера, Пять Звезд, их медийный охват и присутствие в органах власти заметно изменились в большую сторону. Увеличилось и

восприятие важности тем миграции и культурной идентичности в сравнении с первой половиной 2010-х гг. При этом в 2020 г. этот тренд начинает спадать, темы культуры и миграции плавно уступают место темам безопасности, здравоохранения и экологии. Методология исследования: для ответа на поставленные вопросы нами были проведены качественный (прежде всего тематической литературы и публикаций в СМИ) и количественный анализ (оценена динамика релевантной статистической информации).

Старый и новый популизм – сходство и отличие

В настоящее время идет активная дискуссия относительно определения нового и старого популизма в современной Европе. С неомарксистской точки зрения Б. Кагарлицкого, «популизм как политическое движение возникает тогда, когда классовая организация и классовое сознание трудящихся либо только еще формируются, либо уже переживают кризис, разлагаются» [3, с. 154]. Таким образом, Б. Кагарлицкий не различает проявления нового и старого популизма, сводя их к единому понятию.

Эрих Фромм, как представитель неомарксизма, делает акцент на психологическое «состояние человека», которое определяет его принадлежность к популизму. По мысли Фромма, люди должны задуматься о собственных действиях, найти свой смысл жизни, обрести индивидуальные способы установления идентичности и родства: «Человек – единственное животное, которое считает свое существование проблемой, которую он должен решить и от которой он не может убежать» [4, с. 72]. Тем самым, развивая идеи Фромма, можно сказать, что популизм представляет собой желание присоединиться к какой-то общности, чтобы уйти от ответственности за собственное бытие. В качестве своеобразных «идолов» могут выступать нация, культура, язык, религия. Современные немецкие исследователи Катрин Фойгт и Патрик Энис проанализировали феномен правого популизма с позиции Э. Фромма и пришли к выводу, что в правом популизме важен конструкт отрицания общечеловеческого в угоду национальному [5].

Среди исследователей более распространено мнение, согласно которому феномен нового популизма проистекает из ответной реакции на неолиберальную революцию 1970-1990-х гг., в ходе которой были поставлены вопросы трансформации институтов государства (брак, семья, мораль, государство, идентичность)¹ в свете примата свободы индивида либо же возвращение к архаике [6; 7].

Можно также отметить, что новый популизм – это продолжение традиции 1968 г., состоящее в том, что происходит изменение отношения, свойственное постмодернистской люидификации, таких понятий, как архаика. Нация, культура, традиция. Также, как отмечает Ив Плассеро, новый правый популизм постоянно ссылается на «народный здравый смысл» [8, с. 96]. Подобного рода

¹ Хорос В. Популизм 2.0. Москва: Сайт «Россия в глобальной политике». 14.11.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/populizm-2-0/> (дата обращения: 25.04.2020).

отсылки можно встретить в различных работах теоретиков «новых правых», таких как Аллен де Бенуа, Питер Слотердаjk и др., оказавших определенное идейное влияние на становление феномена неопопулизма. К примеру, лидер французских «новых правых» неоднократно писал о том, что на смену традиционному разделению на «левых» и «правых» в политике приходит новое размежевание по линии «элиты» – «народ».

С социально-философской точки зрения главной отличительной чертой нового популизма по отношению к старому может считаться их принадлежность к разным историческим эпохам. Палеопопулизм классического типа – это феномен XX в., обусловленный «восстанием масс» в рамках индустриального общества эпохи Модерна. Неопопулизм, напротив, возникает на рубеже XX–XXI вв., уже после окончания Холодной войны, как проявление постиндустриальных, постмодернистских тенденций. Следующим важным отличием нового популизма по отношению к старому является его относительная мягкость, гибридность, в то время как классический популизм характеризовался более жестким, непримиримым, крайним характером. В качестве примера палеопопулиста можно привести создателя французского «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пена, тогда как его дочь Марин Ле Пен – уже политик неопопулистского толка, что отразилось даже в изменении названия партии с более воинственного и боевого «Национального фронта» на более примирительное и объединительное «Национальное объединение». Подводя предварительный итог рассмотрения отличительных характеристик неопопулизма по отношению к палеопопулизму, можно отметить, что новому популизму присущ больший акцент на «суверенизме» и «идентитаризме», выражающийся в апелляции к принципам национального суверенитета и национальной идентичности, равно как и использование новых информационно-коммуникативных технологий.

Специфика проблем миграции в Европе: региональный аспект

Следует отметить, что страны Южной Европы являются преимущественно транзитными странами, тогда как Германия, Австрия, Швейцария для большинства мигрантов и беженцев выступают в качестве конечной цели миграции. Причина заключается в высоком уровне жизни в европейских целевых странах и достаточно комфортных условиях помощи мигрантам. Такие условия вызваны, прежде всего, резким дефицитом трудовой силы при растущей экономике (в этой связи можно упомянуть соглашения о трудовой силе между правительством ФРГ, с одной стороны, и Турцией, Грецией, Италией, с другой стороны, в 1960-е годы), а также возникновением постмодернистских левопопулистских партий и движений, в повестке которых силен дискурс 1968 года (экологические и пиратские партии).

Следует более подробно остановиться на явлении транзитной миграции [9], охватившей окраины Европы: Канарские острова, Мальту, итальянский остров Лампедуза, греческий Лесбос, испанский Север. Возникновение

потока мигрантов происходит не в Марокко, Ливии или Турции, а в черной Африке и на Ближнем Востоке. Транзитные мигранты – люди Фронттира, занимающие территории, являющиеся пограничем между мирами. Термин «транзитная миграция» не является политически нейтральным и в определенных случаях используется правительствами для обозначения мигрантов как людей, которые должны переселиться [10]. Этот термин также позволяет более адекватно описать реальность, поскольку в нем говорится о происхождении мигранта, пункте назначения и транзитном пространстве между ними. Маршруты передвижения мигрантов постоянно меняются, и это создает проблему как для контролирующих органов национальных государств, так и для фондов обеспечения.

В результате транзитного положения Италии сформировался феномен, который исследователи Д. Казаринова и Г. Де Лука назвали «синдромом Лампедузы»: «Характерен пример эволюции политических установок жителей самого южного острова Италии, первым принимающего волны миграционных потоков – Лампедузы. Италия находится на центральном средиземноморском маршруте миграции, и Лампедуза – ее аванпост. Население этого острова и всего юга Италии изначально воспринимало беженцев с большим сочувствием, власти острова также всемерно оказывали им поддержку. Однако со временем гостеприимство и сочувствие сменилось неприятием, и политическая власть на острове немедленно отреагировала на запросы населения: в региональные органы управления избираются прежде всего политики правых взглядов. Звучат требования резкого ужесточения миграционного законодательства. Постепенно вслед за Лампедузой антииммигрантские настроения захватили всю страну, а за ней и Европу. Мы называем этот тренд “синдромом Лампедузы”» [1, с. 93].

Определенную роль в процессе разворачивания европейского миграционного кризиса сыграл фактор геополитики. Несмотря на то что проблема инोकультурной миграции существовала в ЕС и в предшествующий период, начиная со времени крушения колониальной системы в 1960-е гг., она резко обострилась вследствие дестабилизации Ближневосточного региона в ходе «арабской весны» начала 2010-х гг., приведшей в том числе к гражданским войнам в Сирии и Ливии. Так, Ливия перестала выполнять функции регулятора потоков африканской миграции, которые она осуществляла в эпоху правления М. Каддафи не только по отношению к Северной Африке, но и по отношению ко всему африканскому континенту. «Быстрому укрупнению инোকультурных сообществ в Европе поспособствовала недавняя волна стихийной иммиграции из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. За 2013–2017 гг. доля лиц с иностранными корнями возросла в странах Центральной и Северной Европы на 3–4 п.п. [11].

Интенсификация миграционного кризиса в Европейском Союзе отразилась в трансформации динамики общественного мнения европейцев по отношению к мигрантам и беженцам. Обратившись к данным социологической

службы Евробарометр за 2016–2019 гг.², мы можем увидеть картину того, как менялось отношение к инокультурной миграции внутри европейских обществ. К примеру, в Германии, согласно данным на весну 2016 г., 57% немецких респондентов указали миграцию в качестве самой важной проблемы, с которой в настоящий момент сталкивается Евросоюз. Следовательно, в определенный момент времени более половины немецкого общества оказалось подверженным антииммигрантским настроениям. Среди австрийцев таковых оказалось 48%, среди французов – 35%, а среди итальянцев – 44%. В целом же на панъвропейском уровне 48% всех европейцев рассматривали мигрантов и беженцев в качестве основной угрозы. К осени 2016 г. их число несколько сократилось – до 45%.

На национальном уровне тенденции изменились следующим образом: в немецком социуме уровень озабоченности миграцией снизился до 50%, в австрийском – до 39%, в итальянском – возрос до 49 %, во французском – до 36%. К весне 2017 г. картина общественного мнения по вопросу угрозы со стороны мигрантов и беженцев была следующей: на наднациональном уровне Евросоюза – 38%, на национальном: в Италии – представление о мигрантах как угрозе снизилось до 40%, Франции – 27%, Германии – 40%, Австрии – 34%, к осени 2017 г. в Италии – снова упало до 38%, а к весне 2018 г. – возросло до 41%. Осень 2018 г.: ЕС – 34%, Франция – 28%, Италия – 32%, Германия – 37%, Австрия – 34%. Весна 2019 г.: ЕС – 34%, Франция – 32%, Италия – 28%, Германия – 37%, Австрия – 34%. Осень 2019 г.: ЕС – 34%, Франция – 30%, Италия – 34%, Германия – 38%.

Таким образом, на основании имеющихся данных по странам можно сделать следующие выводы. Что касается Австрии, то для нее характерно достаточно устойчивое число противников миграции, которое колеблется не так резко, как в других странах. Аналогично за годы миграционного кризиса количество итальянцев, считающих миграцию самой важной проблемой для ЕС, колебалось в районе 40%. Необходимо отметить, что приблизительно такое же количество итальянских респондентов указывали терроризм в качестве самой важной проблемы, с которой в настоящий момент сталкивается Евросоюз. Данный факт также свидетельствует, как минимум косвенно, о росте озабоченности граждан Италии последствиями миграционного кризиса, поскольку в сознании итальянского общества проблема миграции является одним из факторов усиления террористической угрозы.

Феномен нового популизма в Европе в контексте миграции

Рост антииммигрантских настроений в европейском обществе, в свою очередь, привел к укреплению позиций «нового популизма» в качестве ответной реакции на кризисные процессы в Евросоюзе.

Проблема инокультурной миграции сыграла роль катализатора, который углубил и усилил имеющиеся в европейском обществе размежевания и

² Public Opinion. European commission URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm> (accessed: 25.04.2020).

противоречия. Примером катализаторской роли миграционного кризиса является связь между изменением общественного мнения о массовой миграции и подъемом антииммигрантских партий, тяготеющих к популизму и евроскептицизму.

Первым проявлением специфической ответной реакции нового популизма в ареале южноевропейского Средиземноморья может считаться приход в 2015 г. в Греции к власти правительства «Сиризы» Алексиса Ципраса, хотя данное событие стало результатом недовольства греков не только последствиями миграционного кризиса, но и европейского долгового кризиса, кризиса Еврозоны.

Вторым важным проявлением торжества нового популизма явилось уже в 2018 г. формирование итальянского «желто-зеленого» «правительства перемен» на основе коалиции «Лиги» и «Движения пяти звезд». Впервые в рамках одного коалиционного правительства произошло объединение новых правых популистов с новыми левыми популистами, хотя оно и оказалось достаточно краткосрочным, просуществовав всего год – до сентября 2019 г.

Не менее интересно в этом контексте и коалиционное правительство Себастьяна Курца в Австрии с 18 декабря 2017 г. по 18 мая 2019 г., построенное на основе возглавляемой им Австрийской Народной Партии и Австрийской Партии Свободы Хайнца-Кристиана Штрахе.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что правый популизм в Австрии имеет куда более глубокие корни, чем во многих других государствах Центральной и Восточной Европы. Имеющий место в Австрии так называемый «лагерный менталитет» (*Lagermentalität*)³ – один из ключевых факторов, формирующих ее политический ландшафт. Он подразумевает разделение общества на три фундаментальные структуры – социал-демократический, консервативный и националистический лагерь. Эти структуры можно считать традиционными, они существуют по меньшей мере с начала XX в. и пережили две мировые и Холодную войну, определяя электоральное поведение австрийцев на протяжении всего этого времени.

И хотя на сегодняшний день мы можем видеть локальные успехи сравнительно молодых политических партий, таких как зеленые (*die Grüne*) или NEOS (либералы), три классических лагеря не уступают своей решающей роли новичкам австрийской политики. Во второй республике националистический (национал-популистский) лагерь был представлен существующей с 1949 г. партией Союз Независимых (*Verband der Unabhängigen*), который в 1955 г. был преобразован в хорошо известную ныне Австрийскую Партию Свободы (FPÖ).

Свою первую значительную роль в политической жизни второй республики она сыграла в 1970 г., поддержав правительство меньшинства Бруно

³ Эта тема рассматривалась многими исследователями, в частности Кристианом Хэрпфером в статье «Выборы в национальрат 1945–1980 и электоральное поведение» (с. 131) [12] и Карлом Учакаром в книге «Политическая система Австрии и Европейский Союз» (с. 143) [13]. Встречается этот термин и в исторических статьях. Например: URL: <https://www.kas.de/de/web/die-politische-meinung/artikel/detail/-/content/oesterreichs-weimar> (дата обращения: 24.04.2020)

Крайского. Позднее в 1999 г., уже при Йорге Хайдере, партия заняла второе место⁴ (с незначительным отрывом от Австрийской Народной Партии), прочно закрепив за собой репутацию важного игрока внутри Австрии и став одной из самых влиятельных правопопулистских партий Европейского союза в целом.

Уже при Хайдере начала остро подниматься тема миграции, особый акцент начал делаться на противостоянии «политическому исламу» и сохранении культурной идентичности. Затем, под руководством Хайнца Кристиана Штрахе (с 2005 до 2019 г. глава АПС), партия обрела особую популярность как в лице молодых избирателей мужского пола, так и среди рабочего класса. Это видно по аналитике выборов в Европарламент 2016 г., представленных центром SORA⁵. В начале того же года обострились отношения между тогдашними коалиционными партнерами – Австрийской Народной Партией и Социал-Демократической Партией Австрии. Тогдашний мэр Вены Михаэль Хойпль (СДПА) упрекал Себастиана Курца (бывшего тогда министром иностранных дел от АНП) в политическом интриганстве на почве вопроса беженцев и нежелании консерваторов идти на компромисс в отношении условий их пребывания в Австрии⁶.

Конфликт внутри большой коалиции⁷ дал знать о себе после выборов 2017 г., когда АНП отказалась от продолжения сотрудничества с СДПА и сформировала правительство вместе с национал-популистской АПС.

В определенной степени наиболее значимым следует считать даже не сам факт вхождения национал-популистов в коалицию и, соответственно, правительство, а серьезную смену имиджа и политической риторики консервативной народной партии, отказавшейся от умеренности и центристской риторики в вопросах приема беженцев и начавшей в унисон со своими новыми союзниками стремительно акцентировать в своей повестке курс на сохранение культурной идентичности.

Однако, учитывая австрийскую внутриполитическую специфику, это едва ли можно считать большой неожиданностью. Как отмечалось выше, лагерный менталитет подразумевал наличие довольно большого «спящего» лагеря националистов, лишь ожидавшего удобной конъюнктуры, вынуждающей центристские партии искать его поддержки. В отличие от немецкой политической арены, где до появления «Альтернативы Для Германии» в 2013 г. национал-популисты были представлены лишь маргинальной НДПГ (NPD), не

⁴ Nationalratswahlen. Wien: Bundesministerium inners. URL: https://www.bmi.gv.at/412/Nationalratswahlen/Nationalratswahl_1999/start.aspx (accessed: 25.04.2020).

⁵ ISA SORA wahlanalyse stichwahl 2016. Wien: SORA. URL: https://strategieanalysen.at/wp-content/uploads/bg/isa_sora_wahlanalyse_stichwahl_2016.pdf (accessed: 25.04.2020).

⁶ “Debatte um Asyl-Obergrenze: Häupl wirft Kurz ‘Intrigantentum’ vor” // Der Standard, 3 Jänner 2016. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000028380478/asyl-haslauer-verknuepft-obergrenze-mit-sozialleistungen> (accessed: 25.04.2020).

⁷ Этим термином обозначается привычная для Германии и Австрии коалиция социал-демократов и консерваторов.

оказывавшей никакого значимого влияния ни на политические процессы, ни на общественное мнение, австрийские националисты уже с середины XX в. (VdU, FPÖ, позднее так же BZÖ) имели существенный вес и куда более высокую степень признания и одобрения. В отрыве от этих партий, но в связи с особенностями восприятия национализма в Австрии можно вспомнить и избрание Курта Вальдхайма, бывшего офицера разведки вермахта, президентом Австрии в 1986 г.

О первых серьезных изменениях в миграционной политике, начатых после вхождения Австрии в ЕС, пишет и Бернхард Першинг (в сборнике Эммериха Талоса по черно-синей коалиции и правительству Вольфганга Шюсселя). Автор, в частности, указывает на такие изменения, как более чем двукратное сокращение допустимого лимита приема беженцев (с 17 320 человек до 8660), ограничение прав родственников беженца и ужесточение требований по знанию немецкого языка для получения гражданства [14, р. 295]. При этом наиболее интересен тот факт, что этот пакет был принят и вступил в силу еще при правительстве канцлера Виктора Клина (СДПГ).

Таким образом, не следует считать, что возникновение национал-популистских партий (или националистического лагеря как такового) в Австрии и их становление как реальной политической силы обусловлено миграционным кризисом 2015 г. При всей значимости этого фактора, как катализатора для формирования новой коалиции, он не являлся первопричиной появления правого популизма в Австрии.

Если же ставить вопрос в духе концепции правого поворота, то можно, с определенной долей обобщения, сказать что в Австрии его в целом не произошло. Это подтверждается и тем, что после долгих коалиционных переговоров с осени 2019 г. до января 2020 г. Себастиан Курц (уже как австрийский канцлер от АПС) вступил в коалицию с партией зеленых (die Grüne).

Таким образом, можно сделать еще один вывод, или, в определенном смысле, переформулировать предыдущий: правый популизм всегда был одним из элементов политического дискурса в Австрии; его ситуативное значение колебалось от одного электорального периода к другому, но он никогда не табуировался, поэтому приход национал-популистов в то или иное правительство следует воспринимать как естественные колебания внутри стабильной системы, а не как резкий разворот, несущий ей угрозу разрушения.

В срезе второй половины 2019 и начала 2020 г. можно отметить еще одну проблему, коснувшуюся австрийских правых популистов – раскол их лагеря на две партии: АПС и Ада (Альянс для Австрии, Die Allianz für Österreich). Последняя представляет собой ту часть старой партии, которая поддержала Хайнца-Кристиана Штрахе в его конфликте с Норбертом Хофером и Гербертом Киклем (бывшим министром внутренних дел от АПС в коалиции 2017–2019 гг.). Штрахе поддержала значимая часть бывших однопартийцев, которая автоматически дала новой партии членство в венском городском

совете (Wiener Gemeinderat)⁸. Осенью этого года должны состояться очередные выборы в этот местный законодательный орган, на которых произошедший раскол может сказаться непредсказуемым образом. Во всяком случае, ясно то, что набрать результат, аналогичный достигнутому на прошлых выборах до раскола, обеим партиям будет крайне сложно.

На федеральном уровне готовность Курца к коалиции с ослабшим бывшим партнером (в случае расторжения соглашения с зелеными) тоже остается под вопросом. С одной стороны, будучи очищенной от Штрахе и его сторонников, партия Хофера может быть более легким и управляемым партнером, чем ранее. С другой стороны, в условиях, когда у партии ослабла народная поддержка, она становится менее интересной с точки зрения укрепления коалиционной легитимности. Так или иначе, этот вопрос решится в ходе идеологической борьбы, которая неизбежно активизируется, как только спадет кризис с коронавирусом. Значительная часть социальных проблем остались нерешенными. Среди них налоговая реформа, реформа страхования, пересмотр коллективных трудовых договоров. Не закончено и разбирательство по коррупционным скандалам, принявшее новые обороты после того, как Конституционный суд Австрии запретил парламенту ограничивать круг вопросов, который расследует парламентский следственный комитет⁹. К тому же австрийской оппозиции в целом и у националистов в частности остается много вопросов по поводу проектов реформ министерства юстиции, планируемых законодательных нововведений в области безопасности, мониторинга данных и, конечно же, охране границ.

Говоря о текущем моменте, мы, безусловно, должны отметить, что согласно данным «евробарометра»¹⁰ индекс негативного восприятия австрийцами людей нетитульной нации (и в частности мусульман) существенно выше среднеевропейского и уступает внутри ЕС лишь Греции, Кипру, Литве, Болгарии и Чехии. Для сравнения в Германии аналогичные показатели находятся на среднеевропейском уровне. Уровень поддержки ключевой национал-популистской партии «Альтернатива для Германии», АдГ (Alternative für Deutschland, AfD), среди молодежи в Германии составляет 6% [15, с. 31] и не сравним с аналогичным показателем австрийской FPÖ, составившим в 2019 г. на выборах в национальрат 20%¹¹.

⁸ Abgeordnete zum Wiener Landtag und Mitglieder des Gemeinderates der Stadt Wien. [Internet]. Wien: Stadt Wien. URL: <https://www.wien.gv.at/advuew/internet/AdvPrSrv.asp?Layout=polstelle&Type=K&stellecd=1997031808394662&hlayout=politikersuche&AUSSSEN=Y> (accessed: 25.04.2020).

⁹ “Weg für erweiterten Ibiza-U-Ausschuss frei”// Der Standard 9. März 2020. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000115554551/weg-fuer-erweiterten-ibiza-u-ausschuss-frei> (accessed: 25.04.2020).

¹⁰ Public Opinion. European commission. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm> (accessed: 25.04.2020).

¹¹ Wahlanalyse Nationalratswahl 2019. Wien: SORA. URL: https://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2019_NRW_Wahlanalyse.pdf (accessed: 25.04.2020).

Характерно и то, что АдГ популярна в основном на территории бывшей ГДР, которую принято считать менее экономически развитой и, как следствие, более склонной к радикализму. Во многом АдГ является партией протеста, своего рода «кандидатом против всех», каким в свое время была небезызвестная «Партия Пиратов». Наибольшие результаты партия закономерно демонстрирует в Дрездене – бывшем оплоте НДПГ, большая часть электората которого перешла к АдГ, но в 2019 г. партия показала очень сильный результат и в Тюрингии, получив 23,4% голосов на выборах в местный ландтаг¹². Этот успех стал шокирующим для Христианского демократического союза Германии (ХДС), традиционно доминировавшей в этом регионе, но занявшей по итогам выборов 3-е место (после АдГ и левых популистов “die Linke”) с результатом в 21,7%. Столь высокие результаты, однако, не привели к закреплению за АдГ прочного места в правительстве этой федеральной земли. Напротив, старые партии, воспринимающие АдГ как недопустимых радикалов, планируют устроить перевыборы в 2021 г.

На федеральном уровне политические возможности АдГ так же ограничены демонстративной изоляцией со стороны остальных партий. Меркель и ХДС в целом многократно давали довольно четкие сигналы того, что АдГ в правительстве и коалиции они не хотят видеть ни при каких обстоятельствах. Так, в интервью, опубликованном в авторитетном издании FAZ, вице-председатель парламентского клуба ХДС в бундестаге выражал скепсис по поводу готовности АдГ очиститься от радикалов и охарактеризовал устремления руководства этой партии стать более «умеренной» как ситуативный пиар-ход. Схожее мнение высказала и его коллега от социал-демократической партии Эва Хегль¹³. Сформировать партнерские отношения с левыми популистами или зелеными АдГ также не имеет шансов ввиду слишком больших идеологических расхождений.

Нельзя не отметить и то, что в условиях эпидемии коронавируса политические предпочтения немецких граждан сместились ближе к центру и существенно отделились от артикулируемых АдГ тем миграции и идентичности в пользу безопасности и экономики.

Исходя из этого, в отношении Германии (так же как и в рассмотренном выше случае с Австрией) говорить о правом повороте нельзя. Однако в обоих случаях можно говорить о том, что колебания общественного мнения, вызванные острыми темами миграционного кризиса, политики в отношении беженцев, открытости границ и вопроса культурной идентичности, привели к определенному всплеску популярности этих партий в последние годы. Что

¹² Landtagswahl 2019 in Thüringen – endgültiges Ergebnis [Internet]. Erfurt: Thüringer Landesamt für Statistik. URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl1/wahl.asp?wahlart=LW&wJahr=2019&zeigeErg=Land> (accessed: 25.04.2020).

¹³ «Durchsichtiges PR-Manöver» // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 23.03.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/aufloesung-des-afd-fluegels-durchsichtiges-pr-manover-16691985.html> (accessed: 25.04.2020).

особенно важно – они стали еще более обсуждаемыми и узнаваемыми на международной арене.

Не менее значимым свидетельством укрепления позиций правых популистов уже в общеевропейском масштабе стали результаты выборов в Европарламент в мае 2019 г. По их итогам в Европарламенте была создана фракция «Идентичность и демократия», пришедшая на смену фракции «Европа наций и свобод», которая действовала в предыдущем созыве Европейского Парламента в 2015–2019 г. Если «Европа наций и свобод» имела только 37 депутатских мест, то «Идентичность и демократия» получила 73 места в Европарламенте, тем самым в два раза увеличив свое представительство. Ребрендинг правого популизма стал отражением перестановки сил среди евроскептиков: если во фракции «Европа наций и свобод» первую роль играл французский «Национальный фронт» Марин Ле Пен, ныне переименованный в «Национальное объединение», то в новой группе правых популистов «Идентичность и демократия» лидерство перешло от французского «Национального объединения» к итальянской «Лиге» Маттео Сальвини, которому удалось сделать председателем фракции представителя своей партии Марко Дзанни.

Данное изменение баланса сил в Европарламенте отражает электоральные успехи новых популистов в Италии. Именно «Лиге» на выборах в Европарламент удалось заручиться поддержкой 34,3% итальянцев. Обладая наибольшим количеством голосов среди правопопулистских партий Европы, Маттео Сальвини стал претендовать на роль своеобразного лидера евроскептиков-суверенистов, отстаивающих свой национально-государственный, равно как и социально-государственный суверенитет перед лицом наднациональной региональной интеграции ЕС. Для сравнения во Франции французское «Национальное объединение» заручилось поддержкой 23,31% голосов избирателей, то есть на 11 % меньше, чем итальянская «Лига». Соответственно партия Сальвини по итогам выборов мая 2019 г. имеет в Европарламенте 28 мест, а партия Ле Пен – 22 места. Третью позицию занимает немецкая «Альтернатива для Германии» с 11 местами. В Германии на европейских выборах она заручилась поддержкой 11% немцев. Получив 11% голосов, ультраправая «Альтернатива для Германии» выступила хуже, чем ожидалось. Это объясняется продолжающимися до настоящего времени скандалами вокруг пожертвований в пользу партии, ее неспособностью очистить руководящие кадры от расистов, а также внутрипартийной борьбой [13, р. 31].

Важно отметить, что представительство новых популистов в Европарламенте не исчерпывается только теми партиями, которые входят во фракцию «Идентичность и демократия». В предыдущем созыве Европейского парламента существовала фракция «Европа за свободу и прямую демократию» под лидерством британского евроскептика Найджела Фараджа. В эту фракцию также входило итальянское «Движение 5 звезд», которое является участником последовательно двух коалиционных правительств Джузеппе Конте в Италии – сначала в коалиции с «Лигой», а с сентября 2019 г. – в коалиции с

«Демократической партией». В связи с событиями Брекзита фракция «Европа за свободу и прямую демократию» была упразднена, поэтому в настоящий момент «Движение 5 звезд», получившее на выборах в Европарламент 17,1% голосов итальянцев, не входит ни в одну европейскую фракцию.

Также к феномену нового популизма может быть причислена фракция Европарламента «Европейские консерваторы и реформисты», куда входят, в частности, польская правящая партия «Право и справедливость», испанские национал-популисты из партии «Голос» (*Vox*) и итальянская правопопулистская партия «Братья Италии» (*Fratelli d'Italia*) во главе с Джорджией Мелони. В текущем IX созыве Европарламента «Европейским консерваторам и реформистам» принадлежит 59 мест.

Наконец, следует упомянуть, что помимо представителей правого популизма в Европарламенте присутствуют и новые левые популисты. Они объединены преимущественно во фракции «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера». В IX созыве они имеют 41 депутата. Во фракцию входят, к примеру, немецкая партия «Левые» (*Die Linke*), греческая «Сириза», французская левопопулистская «Непокоренная Франция» Жан-Люка Меланшона.

Выводы

В целом правые популисты Европы усилили свои позиции вследствие европейского миграционного кризиса и предшествовавшего ему кризиса еврозоны, однако на данный момент их нельзя оценивать в качестве единого политического блока. Среди новых популистов всегда существовали многочисленные размежевания. В первую очередь, следует отметить, что единый «популистский лагерь», объединяющий левопопулистский и правопопулистский фланги, так никогда и не был сформирован. Хотя в рамках завершённой формы популизма существует тенденция к слиянию воедино «левых» и «правых» черт, о чем свидетельствует, например, движение «желтых жилетов» во Франции. В частности, конфликт между популистами «левого» и «правого» толка достаточно ярко проявился среди итальянских новых популистов при голосовании за кандидатуру Урсулы фон дер Ляйен на пост главы Еврокомиссии. Если левые популисты из «Движения 5 звезд» Луиджи ди Майо ее поддержали, то правые популисты из «Лиги» выступили против. В результате «желто-зеленая» коалиция, выстроенная на основе своеобразного панпопулизма, распалась. Если сравнивать новых правых популистов с левыми, то более значительной электоральной поддержкой пользуются первые, тогда как новые левые популисты от них отстают, что и показали последние выборы в Европарламент.

Уместно добавить, что на данный момент у представителей правого и национального популизма также пока отсутствует единство, несмотря на наличие определенных предпосылок к интеграции политиков правопопулистского и национал-популистского толка. Эти предпосылки заключаются в основном в придании ключевой роли политике национально-государственного

суверенитета своих стран, евроскептицизме или, можно сказать, европессимизме, в акцентировании вопросов безопасности и миграции. Удастся ли этим партиям организовать на такой базе системное взаимодействие – вопрос открытый, но на данный момент о нем говорить еще рано.

Библиографический список

- [1] Казаринова Д.Б., Де Лука Г. Миграция в итальянском политическом дискурсе: опыт эмпирического анализа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 2. С. 90–99.
- [2] Малахов В.С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 10. С. 89–96.
- [3] Казарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- [4] Фромм Э. Здоровое общество. М.: Аст, Транзиткнига, 2005. С. 72.
- [5] Ehnis P., Voigt K. Fromm's Contribution the Analysis and Critique of the Ongoing Rise of Right-Wing Movements. *Fromm Forum* 23. P. 138–152.
- [6] Осколков П. В., Харкевич М. В., Музалевский В. А. Архаика и современный правый популизм в Европе // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 59–68.
- [7] Тэвдой-Бурмули А.И. Правый радикализм в Европе // *Современная Европа*. 2005. № 4. С. 87–94.
- [8] Плассеро Ив. Идентичность народов Европы / пер. с фр. А. Пондопуло. М., СПб.: Нестор-История, 2019. С. 96.
- [9] Collyer M., Haas H. Developing dynamic categorisations of transit migration // *Population, Space and Place*. 2012. № 18 (6). P. 468–481.
- [10] King R. and Lulle A. Research on Migration: Facing Realities and Maximising Opportunities. A Policy Review, Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2016. P. 29. URL: <https://doi.org/10.2777/414370>
- [11] Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 10. С. 97–108.
- [12] Haerpfer C. Nationalratswahlen und Wahlverhalten seit 1945 / Gerlich P., Müller W. Österreichs Parteien seit 1945: zwischen Koalition und Konkurrenz, Wilhelm Braumüller Universitäts-Verlagsbuchhandlung, 1983.
- [13] Ucakar K., Gschiegl S. Das politische System: Österreichs und die EU. Fakultas Verlag, 2010.
- [14] Perching B. Einwanderungs- und Integrationspolitik / Emmerich Talos, Schwarz-Blau: "Eine Bilanz des Neu-Regierens". Lit Verlag, 2006.
- [15] Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019.

References

- [1] Kazarinova D.B., De Luca G. Migration in the Italian political discourse: the experience of empirical analysis. *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64 (2): 90–99. (In Russ.).
- [2] Malakhov V.S. Global governance in the field of migration: theory, institutions, politics. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63 (10): 89–96. (In Russ.).
- [3] Kagarlitsky B.Y. *Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism*. М.: 2017. (In Russ.).
- [4] Fromm E. *Healthy Society*. М.: 2005. (In Russ.).
- [5] Ehnis P., Voigt K. Fromm's Contribution the Analysis and Critique of the Ongoing Rise of Right-Wing Movements. *Fromm Forum*; 23: 138–152.

- [6] Oskolkov P.V., Kharkevich M.V., Muzalevsky V.A. Archaism and the Contemporary Right-Wing Populism in Europe. *Contemporary Europe*. 2018. Vol. 1: 59–68. (In Russ.).
- [7] Tevdoy-Burmuli A.I. Right-wing radicalism in Europe. *Contemporary Europe*. 2005, No. 4: 87–94. (In Russ.).
- [8] Plasseraud Y. *The identity of the peoples of Europe* / trans. with French. A. Pondopulo. M.; SPb; 2019. (In Russ.).
- [9] Collyer M., De Haas H. Developing dynamic categorisations of transit migration. *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18 (6): 468–481.
- [10] King R., Lulle A. *Research on Migration: Facing Realities and Maximising Opportunities. A Policy Review*. Luxembourg, Publications Office of the European Union. 2016: 29. DOI: <https://doi.org/10.2777/414370>
- [11] Tsapenko I.P. Promising technologies for the integration of migrants. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63 (10): 97–108. (In Russ.).
- [12] Haerpfel C. National Council elections and electoral behaviour since 1945. In: Gerlich P., Müller W. *Austrian parties since 1945: between coalition and competition*, Wilhelm Braumüller Universitäts-Verlagsbuchhandlung. 1983. (In Germ.).
- [13] Ucakar K., Gschiegl S. *The Political System: Austria and the EU*. Fakultas Verlag; 2010. (In Germ.).
- [14] Perching B. “Immigration and integration policy”. In: Talos E. *Black and blue: a Bilanz of “re-governing”*. Lit Verlag; 2006. (In Germ.).
- [15] Rivera E., Davis M., Bunevich D. “Identity and Democracy”: *ultra-right in the European Parliament*. M.: Institute for Foreign Policy Studies and Initiatives; 2019. (In Russ.).

Информация об авторах:

Сигачев Максим Игоревич – кандидат политических наук, младший научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: maxsig@mail.ru).

Слепцов Эрнест Сергеевич – аспирант Центра промышленных и инвестиционных исследований Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: ernest89@mail.ru).

Фадеев Эдуард Вячеславович – независимый политолог (ORCID ID 0000-0002-5170-9365) (e-mail: fadeeveduard@gmail.com).

Information about the authors:

Maxim I. Sigachev – PhD of Political Science, Junior Research Fellow at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: maxsig@mail.ru).

Ernest S. Sleptsov – Postgraduate Student at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: ernest89@mail.ru).

Eduard V. Fadeev – Independent Political Scientist (ORCID ID 0000-0002-5170-9365) (e-mail: fadeeveduard@gmail.com).